

УДК 101.1

DOI: 10.17223/1998863X/32/2

М. Вендитти

ФИЛОСОФСКИЙ ЯЗЫК Г.Г. ШПЕТА. ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА «ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Рассматриваются особенности построения Шпетом философского текста. На основе опыта перевода «Внутренней формы слова» на итальянский язык автор обращает внимание на особенности философского языка и стиля Шпета, затрудняющие адекватный перевод его труда на другой язык. В их числе – способ цитирования Шпетом других работ; пересказ содержания работ других авторов без ссылки на источник; употребление выражений или слов из других языков; специфика философской лексики и стиля.

Ключевые слова: Г.Г. Шпет, внутренняя форма слова, философский текст, перевод.

О философском языке Шпета писали неоднократно и с различных точек зрения: о Шпете как переводчике Гегеля [1], о языке Шпета в контексте истории понятий [2], о философском языке Шпета как общей проблеме философии [3] и т. д. Объектом настоящего сообщения являются некоторые наблюдения над опытом перевода на итальянский язык книги Шпета 1927 г. «Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта» [4]. Внимательная работа над текстом обнаружила некоторые особенности стиля и языка философа, которые не были замечены при простом чтении.

История создания последней книги, которую Шпет успел опубликовать до чистки в ГАХН, заслуживает внимания. Его замысел писать о внутренней форме у Гумбольдта возникает почти одновременно с созданием «Эстетических фрагментов» (1922–1923). Сам Шпет отмечает в предисловии к книге 1927 г.: «В основу этой работы положен доклад, читанный автором в 1923 г. в Комиссии по изучению художественной формы при Философском отделении Академии Художественных Наук» [4. С. 9]. Б. Горнунг, член ГАХН, в своих воспоминаниях о деятельности журнала «Гермес» пишет, что в 1924 г. Шпет готовил для последнего, невышедшего номера статью о Гумбольдте, которая «разрослась в целую книгу» [5. С. 188]. Работа над книгой «Внутренняя форма слова», таким образом, длится почти четыре года в обстоятельствах, не самых оптимальных для научной работы, как подчеркивал Шпет в письме к Т.И. Райному 1927 г.: «Книга писалась долго, в остаточки времени, по клочкам, забывалось не только написанное уже, но даже первоначальный план не раз переделывался и менялся; лишь в корректуре, и то весьма частично, я мог поправить язык» [6. С. 137–138]. С другой стороны, на сочинение и на изложение «Внутренней формы слова» повлияли, несомненно, обстоятельные исследования о «художественной форме», проведенные в Философском отделении ГАХН, председателем которого Шпет являлся с 1924 по 1929 г. При сравнении с его «Эстетическими фрагментами» язык и структура «Внутренней формы слова» более строги, философ-

ская аргументация построена более последовательно. Ирония, острота, склонность к каламбурам, характерные для стилистической манеры Шпета, в данной книге встречаются реже, чем в других его произведениях. Но здесь оказываются сложности другого рода.

При переводе книги Шпета на итальянский язык возникали трудности разного типа. Выделим следующие: 1) сокращение (иногда до неузнаваемости) библиографических отсылок в тексте и в сносках; 2) наличие иностранных выражений и слов как в подлиннике, так и в русской транскрипции; 3) пересказ содержания работ других авторов без ссылки на источник; 4) употребление выражений или слов из других языков; 5) специфика философской лексики и стиля.

В основу перевода легло первое издание книги Шпета (М.: ГАХН, 1927)¹. Итальянское издание снабжено вступительной статьей, справкой об авторе и его работах, индексом имен и глоссарием (итальянско-русским и русско-итальянским).

Одной из наиболее сложных задач переводчика оказалось восстановление процитированных Шпетом источников, т.е. проверка и развертывание библиографических отсылок, в исходном тексте чаще всего представленных в сокращенном виде.

Об обстоятельствах научной работы в послереволюционной России Шпет сам писал в предисловии к «Очерку развития русской философии» 1922 г.: «И действительно, я должен сознаться, что все естественные, неизбежные и временные детали военно-революционного быта не могли так парализовать волю и так подавлять вдохновение, как исконное отсутствие у нас общей организации научной работы – признак нашей величайшей некультурности! В публичных библиотеках элементарно нужных книг нет, условия пользования ими – самые неблагоприятные, справочники и каталоги поражают безграмотностью и хаотическим состоянием, издание и переиздание классических авторов и трудов – сплошь и рядом под редакцией, самой беззаботной, безответственной и некомпетентной. Постоянно приходилось чувствовать себя в тупике: как добраться до нужного сведения, с чего даже начать? Самые тяжкие испытания и разочарования пришлось вынести при розысках иностранных книг, которые мне так необходимы были для установления «источников» отечественного философствования» [7. С. 12]. Таким образом, он признает, что чаще всего «приходилось полагаться на память» [7. С. 12].

Хотя тогдашние стандартные нормы для библиографических ссылок были значительно менее точны, чем современные, внешние обстоятельства работы автора отразились в форме записи ссылок в тексте и в примечаниях. Шпет иногда сокращает название книги (например: «Vergl. Synt., I, 38», то есть В. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Trübner, Strasbourg 1893, Vol. 1, С. 38); иногда он не указывает год или место издания (например: «Ztschr. f. Völkerpsych. VIII, S. 219 ss.», то есть «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», VIII, 1875, S. 219 ss.). Кроме того, опечатки в тексте (явление отнюдь не редкое в то время) и осо-

¹ Выбор оригинала шпетовского текста имел научные причины. См.: Плотников Н. Густав Шпет Татьяны Щединой. Реконструкция или фальсификат? // НЛЮ. 2001. № 3 (109). С. 371–379.

бенности орфографии Шпета, не допускающей двойных согласных в словах нерусского происхождения, приводят к тому, что перевод текста является некой расшифровкой оригинала.

В своем изложении Шпет сплошь и рядом употребляет иностранные выражения и слова как в оригинале, так и в русской транскрипции. Большинство из них, разумеется, взяты из немецкого языка. При анализе содержания гумбольдтовского текста Шпет добавляет в своё изложение немецкие термины в скобках. Часто встречаются также слова (выражения, цитаты или отдельные понятия) из греческого, латинского, английского и французского языков. В переводе на итальянский греческие и латинские цитаты были нами переведены, а отдельные иностранные слова в скобках или в тексте сохранялись как в подлиннике. Интересным примером являются основные понятия философии языка Гумбольдта, т.е. определение языка как $\square \nu \acute{\epsilon} \rho \gamma \epsilon \iota \alpha$, производство, а не как $\square \rho \upsilon \omicron \nu$ – продукт производства. Со словом $\square \nu \acute{\epsilon} \rho \gamma \epsilon \iota \alpha$ Шпет особенно «играет» в тексте: оно может появляться в русской транскрипции как «энергея» или как «энергия», а в форме прилагательных как «энергичный» или «энергический». Шпет имеет здесь в виду постоянную деятельность языка, его производство, и его творческую энергию. Перевод на итальянский язык должен был учитывать все оттенки понятия «энергея» и давать соответствующее слово в зависимости от контекста и от особенного характера языка, подразумеваемого Шпетом в данных местах.

Третий пункт, на который хотелось бы обратить внимание, – это манера Шпета пересказывать содержание текста другого автора без всяких ссылок. Работа над переводом книги «Внутренняя форма слова» обнаружила, что ее первая глава с названием «Темы Гумбольдта» является сплошным пересказом из книги «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1836). В данной главе нет ни одного слова самого Шпета, и можно сказать, что авторство Шпета в этой главе состоит в выборе пассажей из гумбольдтовской книги. Поэтому мы могли воспользоваться итальянским переводом данной книги Гумбольдта [8]. Шпет в предисловии к своей книге жалуется на то, что в России еще нет хорошего перевода Гумбольдта. В одной из первых сносок [4. С. 8] он упоминает книгу П. Билярского с названием «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» 1859 г., но сурово добавляет: «Этот несвоевременный перевод вышел у нас и неуместно, в качестве “учебного пособия по теории языка и словесности в военно-учебных заведениях”...» [4. С. 8]. Создается впечатление, что Шпет в этой главе как будто бы хотел предложить свой собственный русский перевод книги Гумбольдта, хотя и не полный.

Приведем пример, сопоставляя немецкий и русский тексты.

W. von Humboldt, Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, Berlin 1836.	Г.Г. Шпет, Внутренняя форма слова, ГАХН, М. 1927
Die Sprache, in ihren wirklichen Wesen aufgefasst, ist etwas Beständiges	Язык в своей действительной сущности есть нечто, всегда и во всякое

und in jeden Augenblicke Vorübergehendes. (...) Sie selbst ist kein Werk (Ergon), sondern eine Thätigkeit (Energiea). (...) Sie ist nämlich die sich ewig wiederholende Arbeit des Geistes, den articulierten Laut zum Ausdruck des Gedanken fähig zu machen [C. 41].

Wie der einzelne Laut zwischen den Gegenstand und den Menschen, so tritt die ganze Sprache zwischen ihn und die innerlich und äusserlich auf ihn einwirkende Natur. Er umgibt sich mit einer Welt von Lauten, um die Welt von Gegenständen in sich aufzunehmen und zu bearbeiten. (...) Durch denselben Act, vermöge dessen er die Sprache aus sich herausspinnt, spinnt er sich in dieselbe ein, und jede zieht um das Volk, welchem sie angehört, einen Kreis, aus dem es nur insofern hinauszugehen möglich ist, als man zugleich in den Kreis einer andren hinübertritt.

[C. 58–59]

мгновение преходящее (Vorübergehendes). Это есть не \square ργον, а \square νέργεια, вечно повторяющаяся работа духа, направленная на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли [C. 13].

Как отдельный звук посредствует между человеком и предметом, так весь язык посредствует между человеком и внутренне и внешне воздействующей на него природою. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и обработать мир предметов. Тем же актом, которым человек извлекает из себя язык, он вовлекает себя в него, и каждый язык как бы обводит свой народ некоторым кругом, выйти из которого можно лишь настолько, насколько можно в то же время перейти в другой круг [C. 16–17].

Примеры можно бы множить и выбрать любую часть из первой главы – результат будет такой же.

Философская лексика Шпета в книге «Внутренняя форма слова» – это, безусловно, язык, которым пользовались все участники ГАХН. Надо отметить, что Шпет в этой книге сохраняет некоторые слова-понятия из феноменологии, которые являются прямыми кальками из немецкого языка, как, например, «идеация» (Ideation), «интенция» (Intention), «интенциональность» (Intenzionalität), «коррелятив» (Korrelativ) и т.п., хотя он никогда не упоминает или цитирует Гуссерля. В 1927 г. феноменология для Шпета является основным методом философии, но уже наделенным своей собственной интерпретацией, что указывает на некий итоговый характер данной книги. Кроме указанных терминов, в этой работе мы находим многочисленные слова и глаголы из немецкого языка, как, например, *конципировать* (konzipieren), *констатировать* (konstatieren), *презентатировать* (präsentieren), *регулировать* (regulieren) и т.д.; некоторые главные понятия представлены здесь чаще, чем в других произведениях, в двух формах: 'понятие-концепт' (Begriff-Konzept), 'действительность-реальность' (Wirklichkeit-Realität), 'предмет-объект' (Gegenstand-Objekt). В данном случае наш перевод учитывал возможности итальянского языка: при наличии двух соответствующих терминов мы просто употребляем оба, при наличии всего лишь одного понятия пришлось прибегать к уточнениям. Например, для пары 'предмет \square объект' по-итальянски существует только одно слово «oggetto». Понятие 'предмет' имеет более эмпирический характер; оно нами переведено как «oggetto concreto». Второй термин 'объект', более абстракт-

ный, мы переводили как «*oggetto astratto*» или просто «*oggetto*». Все подобные понятийные пары были включены в глоссарий вместе с их соответствующими немецкими терминами.

Стиль изложения Шпета особенно сложен, его фразы длинные, с многочисленными придаточными. Философ часто включает в свои размышления возможные возражения, которые возникают по ходу аргументации. В этих случаях было необходимо, с целью сохранения замысла автора, делить сложные и длинные предложения, чтобы облегчить чтение уже самого по себе трудного текста. Но самая характерная черта философского стиля Шпета – это, несомненно, своеобразная понятийная насыщенность его работ.

‘*Exempla sunt odiosa*’ писал Шпет в «Эстетических фрагментах»; в книге «Внутренняя форма слова» он еще раз подчеркивает свое намерение писать для «немногих», для «понимающих», для «специалистов». Можно отметить некую симметрию, некий параллелизм в предисловии книги 1927 г. Вначале Шпет, представляя немецкого философа, указывает на то, что «изложение у Гумбольдта – трудное, спутанное и даже противоречивое» [4. С. 7]. Он упоминает слова Дельбрюка по этому поводу: «Воззрения Гумбольдта часто носят скорее, как дух над водами, чем допускают облечение их в форму, не вызывающую недоразумений, пригодную для дидактической передачи» [4. С. 7]. В конце предисловия Шпет пишет: «Преследуя в своем изложении, между прочим, задачу популяризации, автор допускал повторения, которые не всегда могут быть оправданы его диалектическими намерениями, а объясняются целыми дидактическими. *В интересах последних, может быть, следовало бы, как принято, ввести в изложение некоторое количество так называемых “примеров”* <М.В.>. Но, по правде, бывает как-то неловко, – за автора или читателя? – когда серьезная речь начинает походить – то ли на сборник школьных упражнений, то ли на “самоучитель” иностранного языка. *На школьников и самоучек эта книга все-таки не рассчитана* <М.В.>. Кроме того, всегда думается, читатель, если он уловил мысль автора, сам, в собственном запасе, найдет нужные ему примеры. И ему ведь важнее научиться применять, чем примерять» [4. С. 9]. Предисловие Шпета, таким образом, начинается с замечания о трудности философского изложения Гумбольдта и кончается утверждением права автора-философа быть трудным, т.е. представить свое учение без всяких объяснений.

Книга «Внутренняя форма слова» – это сложный текст, адресованный философам и специалистам. Богатство многоязычных изречений, намеки на известные далеко не всем философам образы из истории философии (например, «немой профессор на кушетке Э. Маха» [4. С. 63]¹), руссификация немецкого философского языка, размышления, адресованные специалистам, – все это напоминает именно атмосферу и среду ГАХН и особенный язык гахновцев.

Литература

1. Азарова Н.М. Язык философии. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. М., 2010.

¹ Здесь Шпет имеет в виду первую иллюстрацию книги Э. Маха «*Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen*» 1900 г.

2. *Плотников Н.* Густав Шпет Татьяны Щедриной. Реконструкция или фальсификат? // НЛО. 2001. № 3 (109). С. 371–379.
3. *Автономова Н.С.* Проблема философского языка у Густава Шпета // Густав Густавович Шпет / под ред. Т.Г. Щедриной. М., 2014. С. 32–51.
4. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: ГАХН, 1927.
5. *Горнунг Б.* О журнале «Гермес» / Публ. М.О. Чудаковой, А.Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 186–189.
6. *Г.Г. Шпет – Т.И. Райнову* (1927. IX. 20), в публикации: Н.К. Гаврюшин. Райнов и ГАХН. Приложение: Т.И. Райнов и Г.Г. Шпет: переписка о «внутренней форме слова» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007 [8]. М., 2009. С. 127–139.
7. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // Сочинения. М., 1989.
8. *Humboldt W. von* La diversità delle lingue / trad. e cura di D. Di Cesare. Bari-Roma, Laterza, 1991.

Venditti Michela University of Neaples L'Orientale (Neaples, Italian Republic)

DOI: 10.17223/1998863X/32/2

PHILOSOPHICAL LANGUAGE OF G.G. SHPET. SOME OBSERVATIONS ABOUT THE EXPERIENCE OF ITALIAN TRANSLATION OF «THE INNER FORM OF THE WORD»

Keywords: Shpet G.G., inner form of the word, philosophical text, translation

This article examines the characteristics of G. Shpet philosophical text. The author points out the main difficulties encountered in her experience of translation into Italian of the «Inner form of the word». In particular it is about the Shpet's way of quote another text; his paraphrase the content of other works without quoting the source; his use of word and expressions in other languages; the specific character of his philosophical lexicon and style.

References

1. Azarova, N.M. (2010) *Yazyk filosofii. Tipologicheskii ocherk yazyka russkikh filosofskikh tekstov XX v.* [Language philosophy. A typological essay of Russian philosophical texts of the 20th century]. Moscow: Logos/Gnozis.
2. Plotnikov, N. (2001) Gustav Shpet Tat'yany Shchedrinoy. Rekonstruktsiya ili fal'sifikat? [Gustav Shpet by Tatiana Shchedrina. Reconostruction or counterfeit?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(109). pp. 371–379.
3. Avtomomova, N.S. (2014) Problema filosofskogo yazyka u Gustava Shpeta [The problem of philosophical language by Gustav Shpet]. In: Shchedrina, T.G. (ed.) *Gustav Gustavovich Shpet* [Gustav Shpet]. Moscow: ROSSPEN. pp. 32–51.
4. Shpet, G.G. (1927) *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The inner form of the word. Essays and variations on Humboldt]. Moscow: State Academy of Arts.
5. Gornung, B. (1990) [About “Hermes” Magazine]. *Pyatye Tynyanovskie chteniya* [The 5th Tynianov Readings]. Proc. of the Conference. Riga: Zinatne. pp. 186–189. (In Russian).
6. Shpet, G.G. (2009) G.G. Shpet – T.I. Raynovu (1927. IX. 20) [G.G. Shpet to T.I. Rainov (1927. IX. 20)]. In: Kolerov, M.A. & Plotnikov, N.S. (eds) *Issledovaniya po istorii russkoy mysli* [Studies in Rissian Intellectual History]. Moscow: Modest Kolerov. pp. 127–139.
7. Shpet, G.G. (1989) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
8. Humboldt, W. von (1991) *La diversità delle lingue* [Language diversity]. Translated from German by D.Di Cesare. Bari-Roma: Laterza.